

Дональд Харден

**Финикийцы.
Основатели Карфагена**

«Центрполиграф»

Харден Д.

Финикийцы. Основатели Карфагена / Д. Харден —
«Центрполиграф»,

Книга посвящена истории финикийцев – маленького воинственного народа, который заставил считаться с собой все могущественные государства древнего Средиземноморья. Подробно повествуется о нравах и обычаях, религиозных и светских обрядах финикийцев, о великолепных мастерах ювелирного и оружейного дела, резьбы по слоновой кости, камню, металлу, а также изложена история создания древнейшего алфавита – высшего достижения финикийской культуры, которое оказало мощное влияние на все последующие цивилизации Старого Света.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Харден Дональд

Финикийцы. Основатели Карфагена

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Естественно, в небольшой книге, посвященной столь обширной теме, невозможно полностью удовлетворить запросы как автора, так и читателя. Некоторые аспекты истории и культуры финикийцев не затронуты вовсе; другие освещены лишь поверхностно. Однако я надеюсь, что эта книга даст общее представление о финикийцах того периода, когда этот сравнительно небольшой народ был силой, с которой приходилось считаться на всем Средиземноморье и за его пределами. Данный труд также поможет установить место финикийцев в истории наций.

Описывая зарождение народа, я попытался отделить финикийцев побережья от ханаанеев (ханаанеян) вообще и даже опустил раннюю историю этого района, поскольку только в конце бронзового века появились термины «Финикия» и «финикийцы» в том значении, как мы теперь их понимаем. Такой подход объяснит, если не извинит, почему я столь мало внимания уделил великим раскопкам французов в Библе и Угарите.

Литература о финикийцах на разных языках столь обширна, что не хватит всей жизни, чтобы ознакомиться с ней. Я использовал многие источники и должен заметить, что очень часто авторы придерживаются прямо противоположных точек зрения.

Рамки данного труда не дают возможности объяснить различия взглядов и предоставить читателю составить собственное мнение. Некоторые разногласия я отмечаю в тексте или в примечаниях, но в основном излагаю одну точку зрения, опуская полемику.

За последние сто лет на финикийской территории проводилось много археологических раскопок, и не все из них носили научный характер. Самыми результативными и, вероятно, наиболее профессиональными были раскопки последнего века в Северной Африке, особенно в Карфагене, субсидируемые французским правительством. Раскопки также велись в Финикии и на Сардинии. Несомненно, когда все результаты будут опубликованы, они аннулируют некоторые из моих утверждений и догадок, однако если бы я стал ждать новых доказательств, то эта книга никогда бы не увидела свет, а потому я не прошу прощения за ее появление в данном виде.

Мой собственный интерес к Финикии возник много лет назад совершенно случайно, когда, будучи юным студентом Британского университета в Риме, я принял приглашение ныне покойного Байрона де Пророка присоединиться к его экспедиции в Карфаген на раскопки только что обнаруженного святилища Тиннит (Танит). С тех пор Карфаген и финикийцы никогда не покидали моих мыслей, хотя очень часто – ради других тем – эти исследования приходилось откладывать на долгие годы.

Я приношу благодарность всем, кто помог мне в подборе материалов для данной книги.

Д. Б. Харден

Глава 1

НАРОД, ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СВЯЗИ

Финикийская литература практически не дошла до наших времен, и до археологических открытий середины XIX столетия источником наших знаний о финикийцах служили письменные документы других народов, особенно евреев, греков и римлян, с которыми финикийцы время от времени контактировали, причем не всегда на дружественной основе. Естественно, сложившаяся картина не может не быть искаженной.

В I столетии до нашей эры, через много лет после падения Карфагена, грек Плутарх пишет о финикийцах:

«Это грубый и жестокий народ, покорный своим правителям и деспотичный по отношению к покоренным народам, жалкий в страхе, свирепый в гневе, непоколебимый в решениях, не обладающий веселостью нрава и не ведающий доброты».

Подобную критику мы находим у Аппиана, грека из Александрии, век спустя:

«Во времена процветания карфагеняне жестоки и высокомерны, но в несчастье они смиренны».

Было бы несправедливо полагаться только на подобные суждения. В I веке нашей эры испанец Помпоний Мела более великодушен:

«Финикийцы – умный народ, благоденствующий во времена и войны и мира. Они преуспели в письменности, и литературе, и других искусствах, в судовождении, в ведении военных действий на море и в управлении империей».

Археологи позволили составить более сбалансированное мнение о финикийцах, однако из всех главных народов древности финикийцы по сей день остаются наименее затронутыми археологическими исследованиями. На финикийских местах археологических раскопок не найдено письменных документов, которые сообщили бы нам, как же сами финикийцы оценивали свои отношения с другими народами, особенно с египтянами, ассирийцами и греками, или рассказали бы о политических и торговых связях с соседями, или снабдили бы нас информацией о достижениях в области пурпурного окрашивания, металлообработки и судостроения. Мы можем судить обо всем этом лишь по косвенным доказательствам: археологическим находкам и не всегда надежным сведениям из письменных источников других народов. Часто эти источники грешат пробелами, и приходится признать, что авторам абсолютно неведомы некоторые исторические события. И все же, несмотря на вышеизложенное, современные ученые и археологи создали довольно ясный образ маленького, но храброго народа, оказавшего огромное влияние на мировую историю и развитие цивилизации.

В древности финикийцам не было равных в области географических исследований и мало кто, разве что греки, мог сравниться с финикийцами-колонизаторами. Финикийцы перевозили сырье и товары по всему известному тогда миру. Их воинская доблесть проявилась не только в долгой борьбе Карфагена с Римом, но и в сопротивлении Тира и Сидона Месопотамии и другим завоевателям. Финикийцы также оказывали военные услуги Персии. Однако все это бледнеет перед их высочайшим достижением – алфавитом. Именно созданием алфавита финикийцы оказали самое мощное влияние на все последующие цивилизации Старого Света. Множество окружающих финикийцев народов, включая греков, быстро восприняли их алфавит, и в той или иной степени он используется во всех индоевропейских и семитических языках.

Народ, о котором мы говорим, обитал на узкой полосе Левантийского побережья от Тартуса до горы Кармел и чуть южнее (рис. 1).

Жители этой части побережья и прилегающих к ней внутренних районов в бронзовом веке названы в Библии ханаанеями. Несмотря на генеалогию, представленную в Книге Бытия, по которой Ханаан (Кенаан) является сыном Хама, они были семитами и говорили на семитском языке.

Можно с уверенностью сказать, что эти ханаанеи не были автохтонами, то есть изначально не проживали на упомянутой территории, однако время их появления там до сих пор дебатруется. Практически все сходится на том, что было несколько волн миграции семитов, явившихся, вероятно, из Аравии или зоны Персидского залива, но вопросы их происхождения и хронология изобилуют трудностями¹.

В наше время многие отождествляют первую миграцию на север с установлением аккадского господства над Месопотамией около 2350 года до н. э.; вторую – с притоком аморитов в конце 3-го тысячелетия; третью – с появлением арамеев в конце бронзового века. Однако если это так, то что делать со свидетельством из Библи (гл. 3)? Но означает ли это, что самые первые жители Библи, торговавшие с Египтом в 3000 году, не были семитами и прямыми предшественниками более поздних финикийских жителей Библи? Ни в Библи, ни в других местах нет никаких свидетельств вооруженного семитского завоевания. Похоже, семиты жили в Библи по меньшей мере с начала бронзового века. Антропология здесь ничем помочь не может. Краниальные (черепные) измерения показывают, что население Леванта было очень разнородным даже к 4-му тысячелетию. Археологи также не могут пока, а может, и никогда не смогут с полной уверенностью отождествить керамику, оружие или печати с каким-либо этносом. Наверняка можно сказать лишь, что к IV столетию до н. э. в Амарнских письмах жители Ханаана называют себя аккадскими Кинаху (Kinahu) или Кинану (Kinanu). По-видимому, это самое раннее появление данного слова в письменных источниках.

Откуда тогда другое имя, «финикийцы», под которым эта ветвь ханаанеев теперь общеизвестна? Они не изобрели его сами. Видимо, это имя дали им греки, возможно, микенские греки, которые традиционно торговали с ними в конце 2-го тысячелетия. Несомненно, что вначале финикийцами назывались все ханаанеи. Позже так станут именовать лишь тех, кто жил в прибрежном районе, сохранив свою независимость.

Это слово впервые встречается у Гомера (в единственном числе *Phoenix*, во множественном – *Phoenikes*) и, похоже, первоначально означало темно-красный, пурпурный или коричневый цвет, а затем перешло и на финиковую пальму, и на смуглых ханаанеев. Имя мифической птицы Феникс считают производным от того же прилагательного. Римское имя карфагенян и других западных представителей этого народа, *Roeni*, – латинизированная версия греческого имени. Римляне различали западных *Roeni* и восточных *Phoenices*, хотя признавали их общие корни. Языческие греческие и латинские авторы никогда и ни в какой форме не пользовались словом «ханааней», однако финикийцы, даже на западе, сохранили его. В Новом Завете, обращаясь к языческим читателям, святой Марк пишет о сирофиникийской женщине (Mark VII, 26), а святой Матфей, писавший для евреев, называет ее женщиной Ханаана (Matthew XV, 22) (гл. 8).

Финикийцев как народ невозможно выделить из общей массы ханаанеев где-то до второй половины 2-го тысячелетия до н. э., и именно отсюда мы начнем наш рассказ. Финикия достигла расцвета в начале 1-го тысячелетия до н. э., когда торговлей и колонизацией стала расширять свое влияние на все Средиземноморье и за его пределы.

Мы проследим судьбы финикийцев на востоке до завоевания Тира Александром в 332 году до н. э. и на западе до 146 года до н. э., когда Карфаген был разграблен Римом. После

---

¹ Геродот, например, пишет, что финикийцы явились с побережья Индийского океана. Такое раннее предположение о приходе финикийцев с юга вызывает интерес.

этих событий Восточная Финикия влилась в греческий (эллинистический) мир, а Западная Финикия – в римский.

На севере и востоке финикийского прибрежного района, в долине Оронта и на территории, которую греки и римляне более поздних веков называли Келесирия, люди бронзового века, также ханаanei, создали искусство и культуру, которые очень трудно отличить от того, что мы находим южнее. Проблема усугубляется врожденной склонностью всех жителей Левантского побережья копировать чужое искусство и культуру, в особенности искусство и культуру Египта и Месопотамии, а также способностью сочетать их в единое целое, столь не свойственное ни тем, ни другим, что вызывает еще большую путаницу.

Значительные города, такие, как Угарит (Рас-Шамра), Алалах (Атчана), Хамат и Дамаск, имели длинную историю. Бронзовые фигурки из более северных финикийских городов, таких, как Арад и Триполи и, пожалуй, даже Библ, часто имеют черты, характерные для Северной Сирии, тогда как многие археологические находки Шеффера (Schaeffer) в Угарите похожи на найденные гораздо южнее, а обнаруженные им клинописные таблички впервые раскрывают нам ханаанские религиозные и мифологические тексты. Угарит и собственно южные места археологических раскопок не были финикийскими в том смысле, какой мы здесь придаем этому термину, и, хотя используем часть находок, чтобы проиллюстрировать наш рассказ, мы не включаем южный регион в сферу наших интересов.

Поскольку вся Палестина была в основном ханаанской до появления евреев, а постепенный процесс еврейского проникновения закончился только во времена Соломона, мы – чтобы проиллюстрировать нашу основную мысль – воспользуемся палестинскими артефактами, хотя также не считаем их истинно финикийскими. Как выявили недавние раскопки профессора Ядина, Хацор, например, оставался важной ханаанской твердыней еще долгое время после еврейского вторжения.

Все эти сложные проблемы возникают, когда мы говорим о самой Финикии, окруженной соседями в основном того же семитского происхождения. Этого нет на заморских территориях, за исключением Кипра. Народы тех территорий имеют совершенно иные корни, и их легко отличить от пришлых финикийцев. Население Кипра, однако, контактировало с семитами; возможно, испытывало семитскую иммиграцию с 3-го тысячелетия до н. э., а кипрское влияние распространялось на материк (гл. 4).

На Кипре и не в меньшей степени в Финикии нас ждут и другие трудности. Раннее греческое искусство с VIII века до н. э. испытывало сильное влияние Востока², и особенно Финикии, причем влияние было обоюдным.

Многими веками ранее, во времена Микенской Греции, греки посещали Левантское побережье и Кипр, а потому трудно отличить финикийские артефакты от греко-финикийских, особенно в области искусства. Выделить из финикийских находок то, что принадлежит Египту и Месопотамии, не так сложно, поскольку копии левантийцев обычно не похожи на оригиналы и легко узнаваемы.

---

² Дунбабин. Греки и их восточные соседи. 1957. Дунбабин считает, что в VIII и VII веках до н. э. присутствие греков в Финикии до сих пор доказано лишь в Киликии в Северной Сирии (особенно в Аль-Мине, действительно греческой колонии), Палестине и, конечно, на Кипре. Однако отсутствие греческих предметов того периода в Финикии совпадает с почти полным отсутствием и финикийских предметов. Дело в том, что не проводилось достаточных раскопок в соответствующих городских слоях, поскольку до них трудно добраться.

Глава 2 ГЕОГРАФИЯ

Как часто случается, именно географическое положение повлияло на развитие финикийцев. Природный ландшафт заставлял их искать морские пути, а находясь между двумя великими цивилизациями древности, они испытывали постоянное политическое давление и подвергались культурному влиянию с обеих сторон.

Сирийско-Палестинское, или, как мы для краткости будем называть его, Левантийское, побережье протянулось примерно на 450 миль от залива Искандерун до египетской границы (рис. 1). Финикийские города располагались в средней части этой полосы длиной около 200 миль от Антарада (Тартуса) на севере до Дора или, возможно, до Иоппы (Яффы) на юге³.

В число четырех самых главных городов входили Арад (Руад), находившийся на острове напротив Тартуса, Библ (Гебал, Джебель, Джубель), Сидон и Тир. Марат (Амрит), Берит (Бейрут), Экдипа (Ахзив) и многие другие были зачастую чуть больше деревень.

---

³ Плиний проводит границу между Финикией и Палестиной в Кесарии, городе, заложенном Иродом на месте бывшей башни Стратона, и считает Дор самым южным из главных финикийских городов. Однако он называет Яффу «*Joppa Phoenicum*» («Иоппа Финикийская»). Большой интерес вызывает фраза Эшмуназора Сидонского, высеченная на его саркофаге в VI веке до н. э. (гл. 8), о том, что он присоединяет Дор и Иоппу к территории Сидона «навсегда». Из этого следует, что они уже были финикийскими городами, так как в VI веке не поощрялась экспансия Сидона за пределы финикийских территорий.

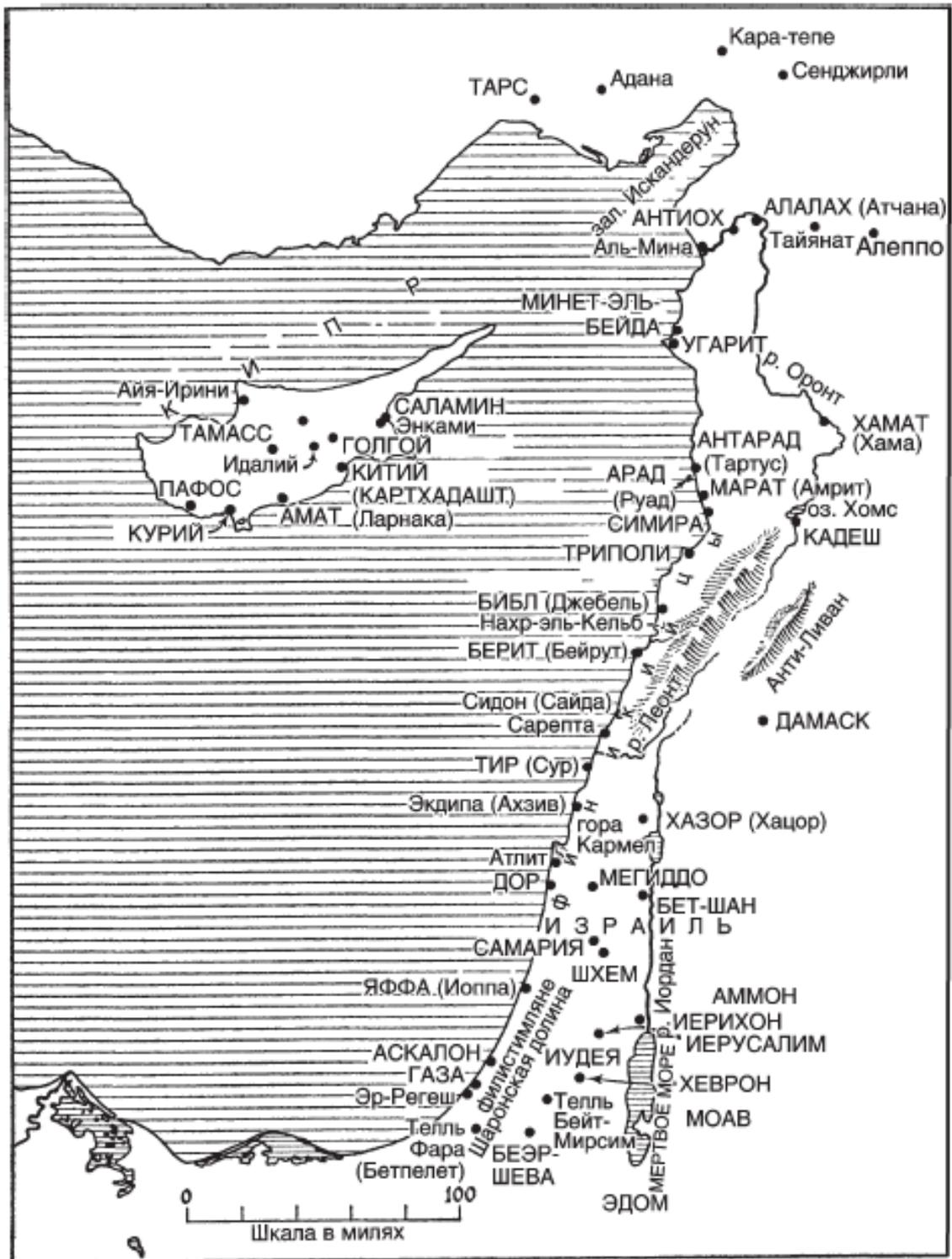

Рис. 1. Карта Левантийского побережья: Финикия и ее главные города

Горная цепь Ливана, местами достигающая высоты 9000 футов и более, тянется вдоль побережья, не отступая от него далее чем на тридцать миль, но плодородные долины не могли обеспечить продовольствием все увеличивающееся население.

Вот почему Финикия никогда не могла существовать, тем более процветать, опираясь на собственные сельскохозяйственные ресурсы, не говоря уже о том, чтобы стать страной-экспортером. А вот чем она и в древности обладала в избытке, так это лесом: знаменитым ливан-

ским кедром и елью. Именно благодаря этому природному богатству у региона рано завязались контакты с Египтом, не обладающим столь ценной древесиной.

Левантийское побережье изобилует маленькими заливами, укрытыми выступающими в море мысами. Население легко могло защищаться от нападений с суши, и в то же время всегда были под рукой суда по обе стороны мыса. К тому же достаточно близко от берега было много островов, обеспечивавших убежище кораблям. Отправляясь в путешествия, финикийцы всегда искали подобные места и основывали колонии в самых известных крепостях и гаванях Средиземноморья: Кадис в Испании, Валетта на Мальте, Бизерта в Тунисе, Кальяри в Сардинии и Палермо на Сицилии. Остальные их города – Карфаген, Мотия на Сицилии и сами Тир и Сидон – принимали в древности суда, что кажется нереальным для больших современных кораблей.

Чтобы понять, как развивалась Финикия, мы должны детальнее рассмотреть расположение ее городов.

Арад, например, один из главных городов на собственно финикийской территории, находился на каменистом островке всего лишь около 1500 метров по периметру. Согласно Страбону, остров был застроен очень высокими зданиями в несколько этажей. В исторических документах упоминается, что, несмотря на маленькие размеры, Арад господствовал над соседними городами, такими, как Марат и Симира. Мы не знаем деталей топографии Арада. Вероятно, его окраины и кладбища тянулись до материка, как, например, в Мотии на Сицилии. У Страбона есть странный рассказ о том, что в городе не было колодцев, а на случай осады, когда в резервуарах иссякала вода, жители пользовались подводным источником, находившимся между островом и материком. Вода поднималась по кожаной трубе в лодки; свинцовая полусфера защищала нижний конец трубы и сам источник от морской воды. Жители Арада были замечательными моряками и составляли значительную часть контингента финикийского флота. На самых ранних монетах мы находим изображение галеры, как символа города.

Библ расположен примерно в 28 милях к северу от Бейрута. Раскопки французов пролили свет на его топографию от ранних времен до конца бронзового века, однако, кроме остатков культовых сооружений, находившихся на местах предшественников бронзового века, и крепости IV века до н. э., не было найдено ничего, относящегося к железному веку. Возможно, главное поселение железного века лежит севернее, под современной деревней. Похоже, что в конце бронзового века личные жилища «покидают акрополь». С утеса вниз к гавани, находящейся между поселением бронзового века и современным, ведет пандус. Библ, по местной традиции, считался самым древним городом в мире, построенным богом Элом, и был одним из древнейших и самых важных центров поклонения Астарте. Французские археологи открыли непрерывный ряд слоев вплоть до неолитического периода и получили много ценнейшей информации о религиозных культах бронзового века в регионе.

Древний Сидон лежит на северном склоне мыса. Римский, средневековый и современный города строились на одном и том же месте, а потому вряд ли стоит надеяться, что когда-нибудь мы узнаем общую топографию финикийского города. На севере была превосходная гавань, защищенная цепью невысоких скал, тянувшейся от северного конца мыса до материка на несколько сот метров. Большой залив на юге не так хорошо защищен, однако при небольшом волнении мог предоставить убежище кораблям. Ренан считал, что здесь, как и в Араде, он нашел остатки финикийских стен и укреплений, но эти находки так скудны, что не дают истинного представления о том, какими эти сооружения были в древности. Скорее, мы можем судить о них по ассирийским рельефам (рис. 37) и сидонским монетам. Кладбища, храмы и, безусловно, район ремесленников находились на берегу и склонах утесов.

О Тире известно, пожалуй, больше, чем о любом другом городе на территории самой Финикии, но даже в этом случае мы можем лишь обозначить общие контуры. Тир занимает два из самых больших в цепи каменистых островков, расположенных рядом с материком, и в древности добраться до материка можно было лишь на лодке. При осаде Тира Александр Великий

построил дамбу, и древний остров превратился в современный полуостров. Однако, как и в Араде, остров, хоть и плотно застроенный многоэтажными зданиями, не мог вместить город размеров Тира и, вероятно, постройки занимали и прибрежную часть материка. Топография была хорошо изучена с помощью аэрофотосъемки. Как в Сидоне, порт находился по обе стороны города. На севере природа предоставила естественную гавань, дополненную волноломом, и прекрасный рейд, защищенный цепью островков; на юге или юго-востоке сам остров и дамбы защищали вторую гавань. Поскольку современный Тир находится на том же месте, вряд ли мы узнаем больше о внутренних деталях города. Крупномасштабные раскопки на застроенном юго-востоке древнего острова пока не дали достаточно свидетельств о поселениях доалександровского периода.

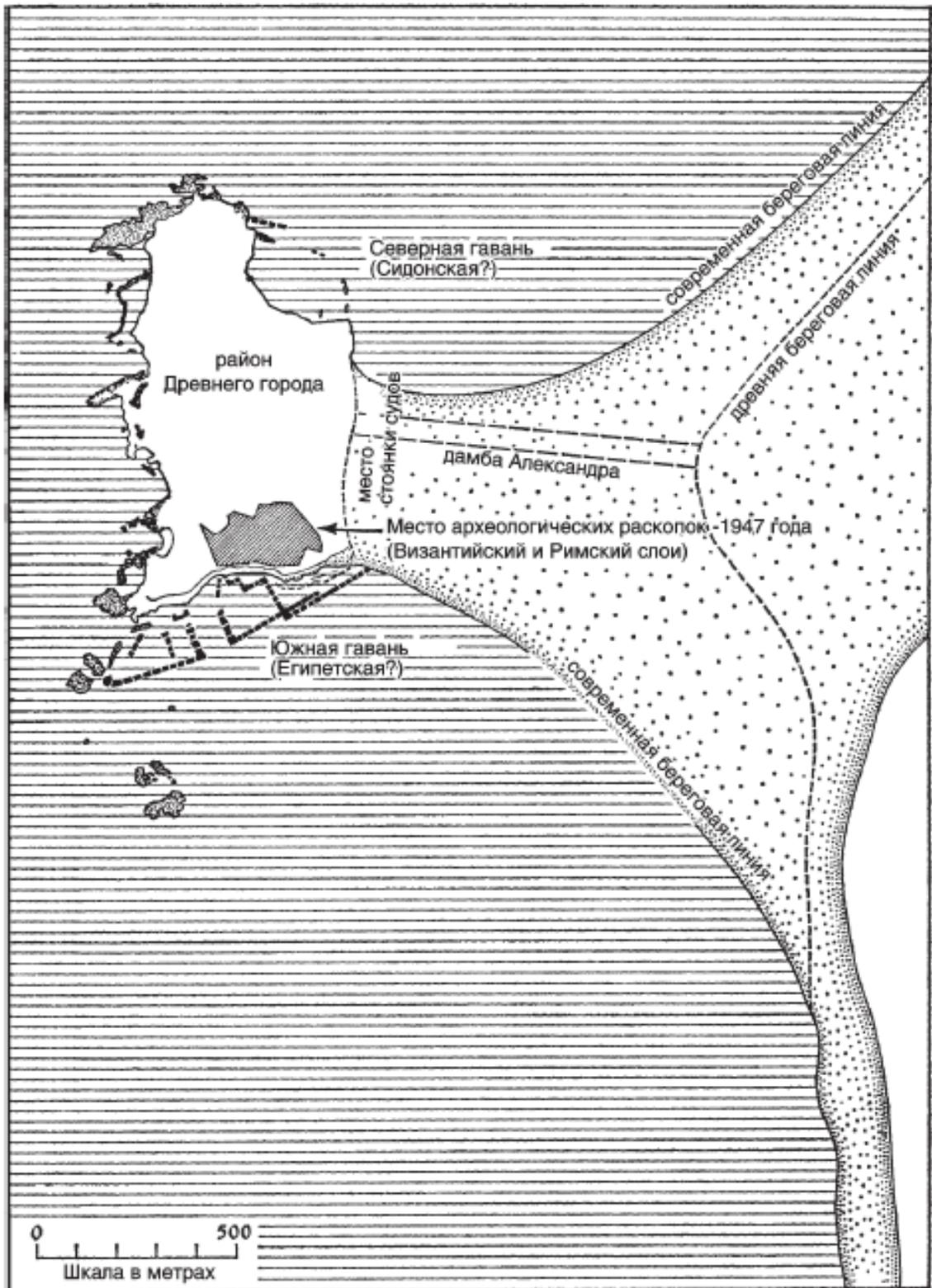

Рис. 2. План Тира с древними гаванями и дамбой Александра, соединившей остров с материком

К счастью, археологические раскопки в финикийских колониях предоставляют больше сведений о топографии типичного финикийского города. Наилучшим примером является Карфаген, несомненно, самый большой и величественный из всех финикийских городов.

Разные источники XIX века и более ранние помещали Карфаген в любом мыслимом месте полуострова, протянувшегося от Туниса до мыса Гамар (Cape Gamart), Сиди-бу-Саид (Sidi Bou Said) и Ла-Гулетт. Однако после обнаружения в 80-х годах XIX века пунических захоронений между холмами Сен-Луи (St Louis) и Сте-Моник (Ste Monique) можно предположить, что пунический город лежал между Сиди-бу-Саид и Ла-Гулетт. Несмотря на новую информацию, оставалось обширное поле для скрещивания разных мнений о топографических деталях. Особенно жарко обсуждалось, представляли ли обе лагуны к северу от Ле-Крама (Le Kram) круглый и прямоугольный пунические порты или котон, так ярко описанный Аппианом, Страбоном и другими древними авторами.

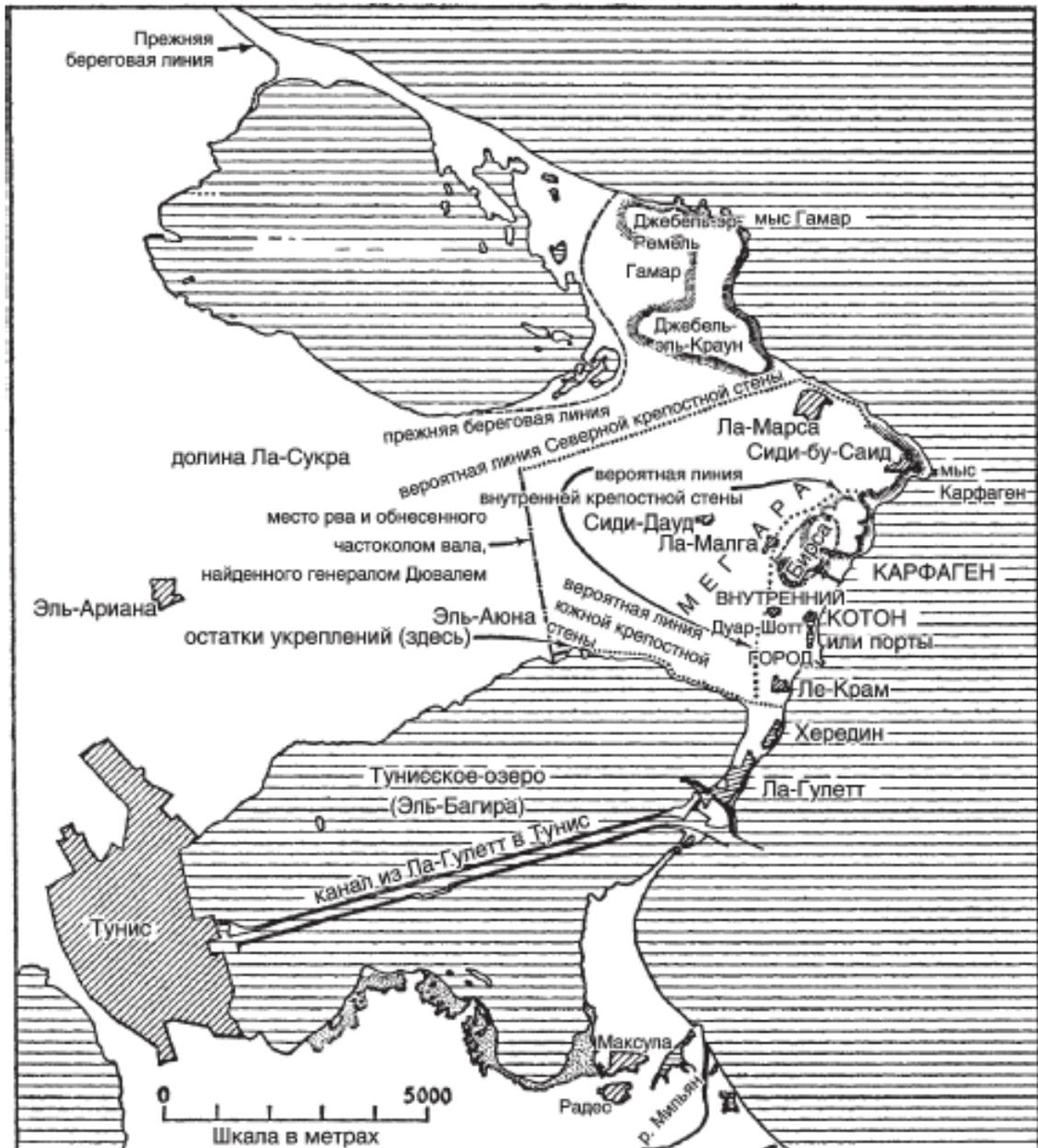

Рис. 3. Карта полуострова Карфаген и вероятной линии позднепунических укреплений

Одна из трудностей заключается в том, что Себкрет-эр-Риана (Sebkret er Riana) на севере перешейка, в пунические времена открытый морю, стал – из-за наносов в устье реки Баград (совр. Меджерда) – окруженным суши заливом. Находящееся на юге Тунисское озеро обмелело, хотя более-менее сохранило древние очертания. В наши дни по Тунисскому озеру может

пройти разве что гребная лодка, а прежде пунические корабли могли бросить якорь и здесь, и в Себкрет-эр-Риане⁴.

Восточная береговая линия между Сиди-бу-Саид и Ла-Гуллетт практически не изменилась.

В 1918 году С. Гзелль, суммировав археологические и литературные доказательства, пришел к выводу, что Бирса находилась на холме Сен-Луи и что лагуны около Ле-Крама отмечают местонахождение прямоугольного и круглого портов, о которых поведали нам древние авторы. Маленькие размеры лагун не должны нас сильно смущать, если вспомнить, что пунический котон был скорее плавучим (мокрым) доком, чем настоящей гаванью, и что обычно суда стояли на якорю у берега или втаскивались на него. Правда, в древних текстах говорится, что во время 3-й Пунической войны Карфаген построил флот из 120 кораблей в круглом порту, а в доках находилось до 220 судов, однако подобные заявления, вероятно, объясняются тем, что в древности район круглого порта был больше. Вымощенное дно круглой лагуны доказывает, что она не природного, а искусственного происхождения⁵.

В таком случае, вероятно, главный пунический город тянулся вдоль берега от Ле-Крама до Бордж-Джедид (Bordj Djedid) и вглубь примерно до Ла-Малги (La Malga) (рис. 4). Форум (исходя из древних текстов) должен был занимать низину между холмом Сен-Луи и портами. Об остальных деталях городской топографии нам известно очень мало, за исключением двух районов: территории святилища Тиннит к западу от прямоугольной лагуны и некрополя. Почти все другие древние здания, остатки которых сохранились, – римские или византийские. Руины домов и улиц позднего пунического периода обнаружены недавно на южном склоне холма Сен-Луи, а также в Дермехе (Dermech) и Дуар-Шотт (Douar Chotte). Картон нашел некрополь в Саламбо (Salamambo station), а Мерлин – еще один в Сиди-бу-Саид. Однако неизвестно расположение ни одного храма, и, хотя некоторые из множества водяных резервуаров в Ла-Малге и Бордж-Джедид могли быть изначально пуническими, в своем настоящем виде они несомненно римские⁶.

Однако колодец у подножия утеса Бордж-Джедид, называемый Фонтаном тысячи амфор, был сооружен еще в пунический период и до сих пор сохранил пуническую кладку, хотя своды относятся к римскому периоду.

Согласно древним источникам, во время 3-й Пунической войны город был окружен стеной длиной в 21 милю. Если крепостная стена тянулась к северу через самую узкую часть перешейка, затем на восток к берегу севернее Ла-Марсы и назад вдоль морского побережья через Сидибу-Саид и Ле-Крам (рис. 3), то этим данным можно доверять. К тому же есть и вещественные доказательства: 1) фундаменты в море рядом с берегом от Бордж-Джедид почти до прямоугольной лагуны; 2) рвы, ограды и другие свидетельства, найденные в 1949 году там, где древняя стена пересекала перешеек, и 3) остатки стены на берегу озера в 13 – 16 футов толщиной в двух милях к западу от Ле-Крама. Судя по типу камней, их размерам и кладке, эти укрепления должны быть пуническими или ранними римскими, но поскольку римский Карфаген был укреплен лишь в V веке н. э., то мы можем считать их пуническими.

Самые ранние погребения не могут быть древнее, чем конец VIII столетия до н. э. Эти погребения, а также погребения следующих двух веков расположены на склонах холмов Сен-Луи и Юноны в районах Дуимес и Дермех между Бирсой и Бордж-Джедид. К V веку кладбище уже занимало южные склоны Бордж-Джедид. В IV веке хоронили между холмом Одеон и Бордж-Джедид (Dag-el-Mogali и Ard-el-Kheraib) и, наконец, в III и II веках – севернее и северо-

---

⁴ Некоторые источники сообщают, что вплоть до VI века н. э. в озеро могли входить большие корабли.

⁵ Удалось различить два слоя мощения, одно, вероятно, пуническое, другое – римское. Также были найдены остатки дамбы, связывавшей остров в круглом порту с материком, и канала, соединявшего круглый порт с морем.

⁶ Величественный акведук длиной около 75 километров, доставлявший воду с горы Загуан (Загван) на юго-западе, был построен лишь во времена Адриана.

восточнее на холмах Одеон и Сте-Моник и, как ни странно, вновь стали использовать склоны холмов Сен-Луи и Юноны. Таким образом, с течением веков некрополь распространялся на северо-восток (рис. 4).

Из всего этого несомненно следует, что самое раннее поселение Карфагена находилось в Ле-Краме и около него. Существование святилища Тиннит рядом с прямоугольной лагуной (рис. 21) в VIII веке замыкает цепь доказательств, поскольку невозможно предположить, что символ самых глубоких религиозных чувств карфагенян лежал за пределами поселения. Поселение, находившееся в этом месте, могло контролировать полуостров Ла-Гуллетт, а Тунисское озеро обеспечивало хорошо защищенную стоянку для судов. Мы можем представить, как с годами пунический город постепенно расширялся от района порта к северу, но можем лишь догадываться, когда именно холмы карфагенского акрополя Бирсы (по предположениям некоторых ученых, в Бирсу входили все три холма: Сен-Луи, Юнона и Одеон (Театр) стали цитаделью и были увенчаны храмом Эшмуна. Вряд ли развитие города заняло больше одного-двух веков⁷.

---

⁷ Фукидид замечает, что, когда греки явились в Сицилию в 30-х годах VIII века до н. э., финикийцы отступили на запад, «чтобы быть поближе к Карфагену». Если мы поверим этому замечанию, то выходит, что к концу VIII века Карфаген был настолько могущественным, что к нему обращались за помощью. Причина столь быстрого роста и процветания может заключаться в том, что – в противовес многим другим поселениям, основанным купцами, – Карфаген был заложен влиятельной аристократической группой выходцев из Тира, а потому с середины VIII века в беспокойные времена ассирийских нашествий привлекал новые волны колонистов не только из Тира.

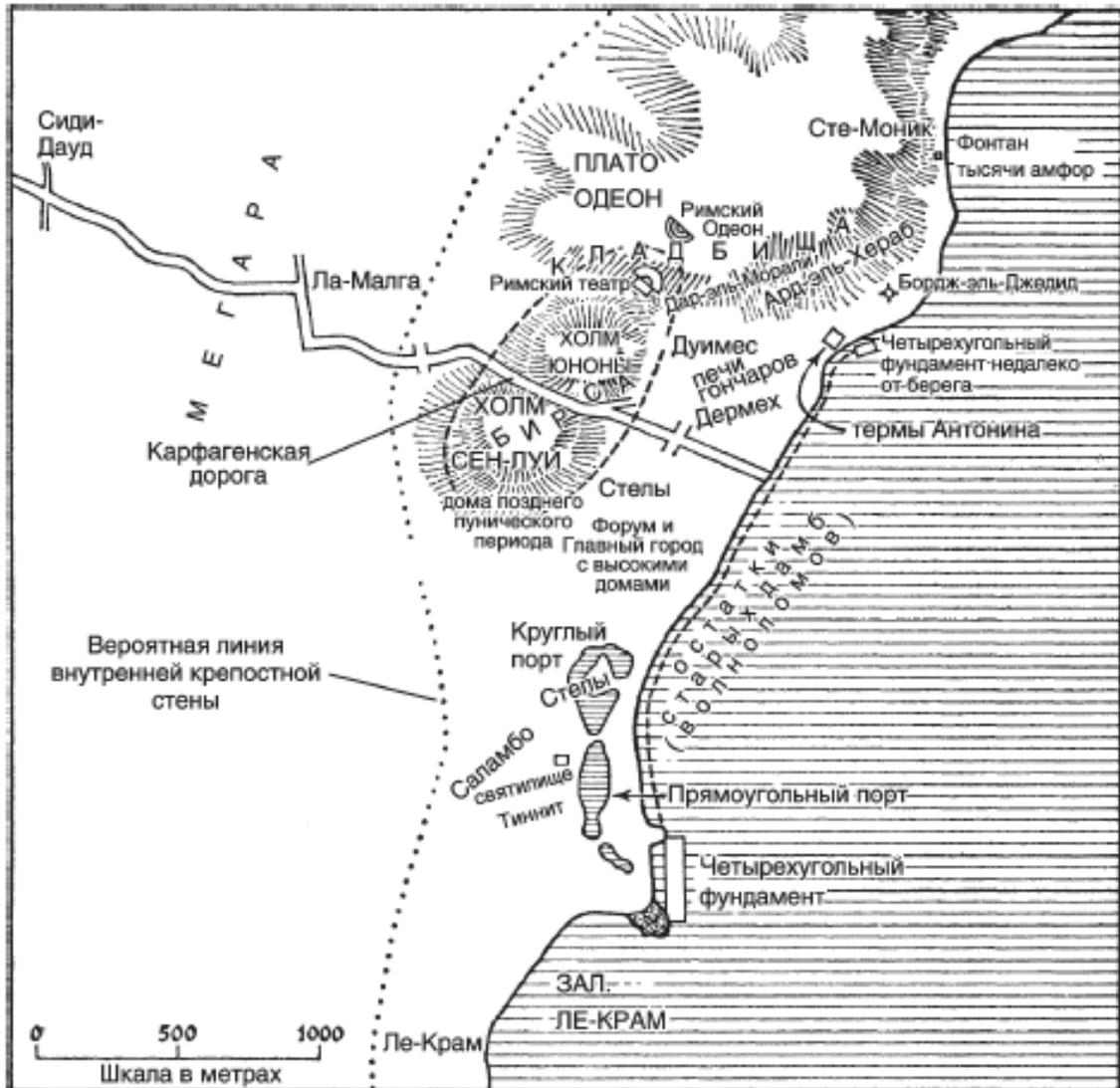

Рис. 4. План внутреннего города Карфагена

Ближайшим к Карфагену финикийским городом была Утика, расположенная на возвышенности примерно в 35 километрах к северо-северо-западу в устье реки Баград, главной реки Туниса, орошавшей самые плодородные земли региона.

Местоположение Утики в наши дни вызывает удивление. Непонятно, почему финикийцы решили здесь обосноваться. Однако дело в том, что за прошедшие века Баград так сильно изменился в своем нижнем течении и так сильно забился илом, что финикийский и римский город оказался в 10 километрах от моря на возвышенности, окруженной наносными отложениями. Мы можем опознать акрополь на холме, который когда-то был мысом. На востоке – бывший остров, прежде отделенный от берега узким каналом. Как и в Карфагене, в Утике сохранилось много римских руин, но ни одно здание нельзя наверняка назвать пуническим. Однако самые ранние захоронения, найденные по обе стороны канала, отделяющего «остров» от «мыса», могут относиться и к концу VIII века. Более поздние могилы находятся западнее и севернее.

В Северной Африке – к югу, востоку и западу от Карфагена – на местах пунических поселений также найдено очень мало археологических свидетельств, и топографию пунических городов по большей части можно представить лишь исходя из соображений географической целесообразности и по пуническим захоронениям. Синтас (Cintas), занимавшийся раскопками пунических поселений в Северной Африке, четко объясняет, что следует искать: во-

первых, защищенные гавани с пологим побережьем (необязательно протяженным), куда можно было втаскивать корабли; во-вторых, надежный источник свежей пресной воды; и в-третьих, известняковые отложения, обычно на возвышенности, пригодные для добычи известняка и для так любимых финикийцами скальных гробниц, остатки которых не могли не сохраниться. Пунические корабельные стоянки вдоль побережья обычно находятся в 40 километрах друг от друга, на расстоянии, которое можно пройти за день, поскольку моряки предпочитали плыть днем, а ночью отдыхать.

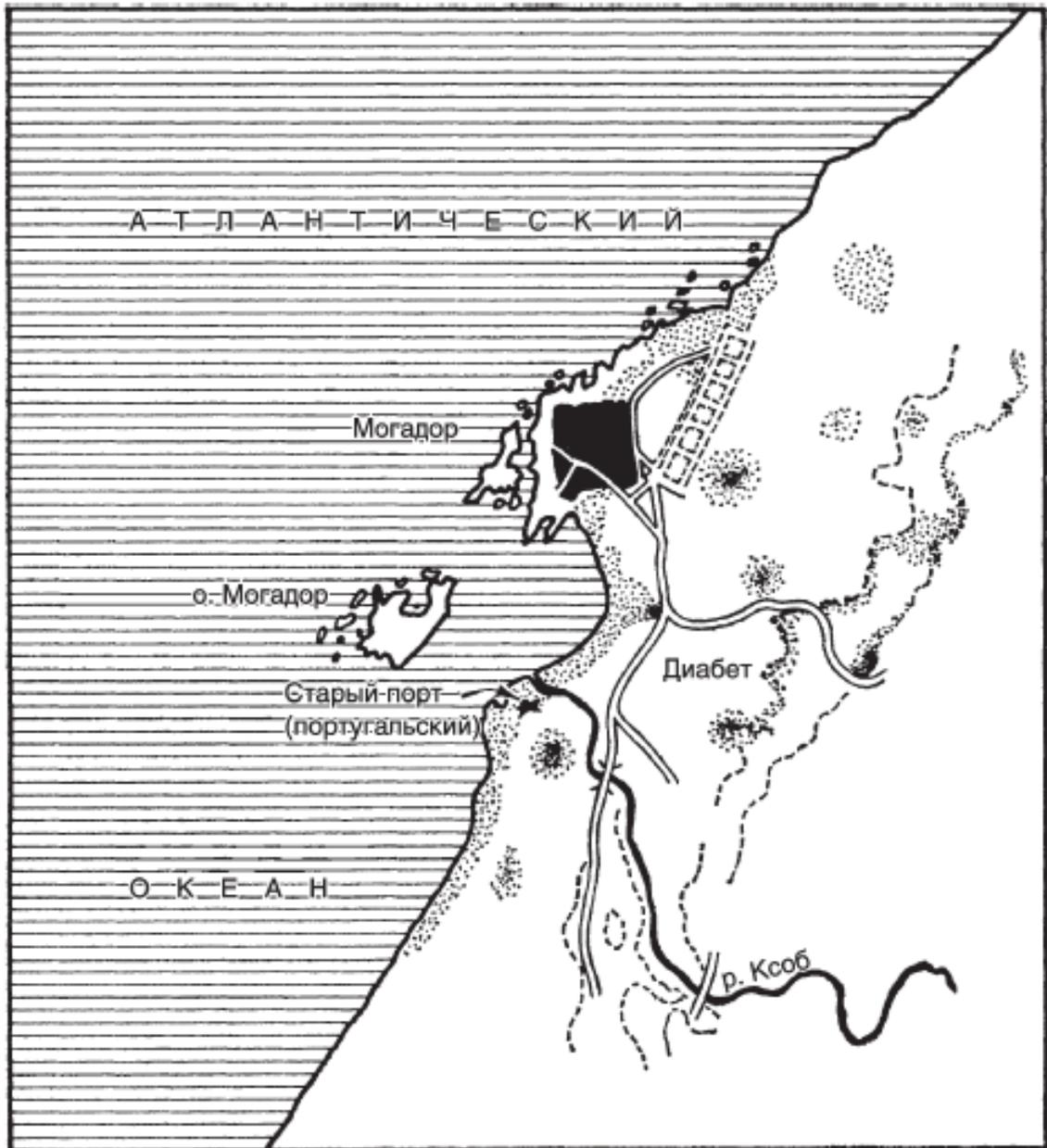

Рис. 5. Остров Могадор (Марокко), место пунического поселения

Давайте взглянем на одну из этих стоянок, самую дальнюю из пока обнаруженных на западном пути из Карфагена и именно такую, какую предпочитали финикийцы. Сразу к югу от Могадора на Марокканском побережье между Касабланкой и Агадиром река Ксоб впадает в

маленький залив, частично защищенный от открытого моря островком длиной около 3 километров и 1,5 километра шириной, лежащим в 1,5 – 3 километрах от материка (рис. 5)⁸.

Именно здесь Коберле и Синтас нашли следы финикийской колонизации, и результаты их пробных раскопок 1950 – 1952 годов были подтверждены более тщательными раскопками профессора Ядина в 1956-1958 годах.

Из важных западных городов вне Африканского континента рассмотрим сначала Мотию на острове Сицилия. Мотия оставалась главной базой Карфагена для ведения Сицилийских войн до ее осады и разрушения Дионисием Сиракузским в 398 году. И здесь город находился на маленьком, близком к берегу островке с равнинным ландшафтом (рис. 6, 7). С VI века до н. э. город был окружен мощной крепостной стеной длиной около 2,5 километра и занимал площадь 50 гектаров, или около 125 акров. Сохранились остатки лестниц, караульных помещений и ворот, а также двадцати башен. Каменная кладка соответствует разным стилям и эпохам. Стена почти повсеместно повторяет береговую линию. Пока нет доказательств постоянного заселения прилегающей части материка, однако в Бирджи найдено большое кладбище с захоронениями в гробах начиная с VI века до н. э., и небольшая дамба. Под водой ясно различимы фундаменты, протянувшиеся от этого района к северным воротам города⁹.

На острове также были найдены некрополь и святилище с урнами и стелами. Если на острове когда-либо существовал котон, то наверняка он был слишком мал для стоянки множества даже древних кораблей (рис. 36), и мы вправе предположить, что главной гаванью или рейдом служила лагуна между островом и материком.

Из зданий найдено только два (рис. 7): прекрасный дом в греческом стиле у юго-восточного побережья и фундаменты того, что могло быть храмом или другим общественным зданием в месте, называемом Каппидаццу (Cappiddazzu). Это здание несколько раз перестраивалось, в последний раз – в V веке; сохранилась прекрасная кладка из тесаного камня.

На острове Сардиния было четыре главных финикийских города: Сульх (Сульцис, Сульци) (Сант-Антиоко), Каралис (Кальяри), Нора и Таррос (рис. 14). Все были расположены на мысах, кроме Сульха, занимавшего обращенную к матерiku часть современного острова Сант-Антиоко. Остров соединяет с материком дамба, которой, вероятно, не существовало в пунические времена. Сульх практически не сохранил финикийскую топографию, однако в нем найдено много финикийской керамики VIII века до н. э., пока самой ранней на Сардинии, и ряд стел, по стилю и хронологии сравнимых со стелами из окрестностей святилища Тиннит в Карфагене. Недавно раскопано само святилище, на присутствие которого указывали стелы. В Кальяри, где более поздние постройки скрыли финикийскую топографию, первоначальное поселение, вероятнее всего, находилось на мысе S. Elia или рядом с ним на юго-востоке. В этом случае соляное озеро к востоку от Кальяри, вероятно, представляет древний порт. Самые ранние найденные захоронения относятся к V веку и занимают склон холма к северо-западу от современного города.

---

⁸ Необходимо, однако, отметить, что и здесь береговая линия изменилась с древних времен. Могадор прежде был островом, а устье реки Ксоб не изгибалось к заливу. Подобное положение острова, находившегося столь близко к матерiku, могло привлечь финикийцев.

⁹ Недавние подводные исследования лагун вокруг Мотии и дамбы, проведенные мисс дью Плат Тейлор и другими, показали, что поверхность дамбы в тех местах, где она сохранилась, лежит в среднем на 5 – 15 сантиметров ниже уровня воды и что часть стен гавани и набережные у северных ворот Мотии, как и древняя прибрежная полоса в Бирджи, также находятся под водой. Очевидно, что уровень воды поднялся, вероятно, на полметра, а сам остров во времена финикийского города был немного больше и находился ближе к матерiku. Я благодарен мисс Тейлор за помощь в решении этой проблемы.

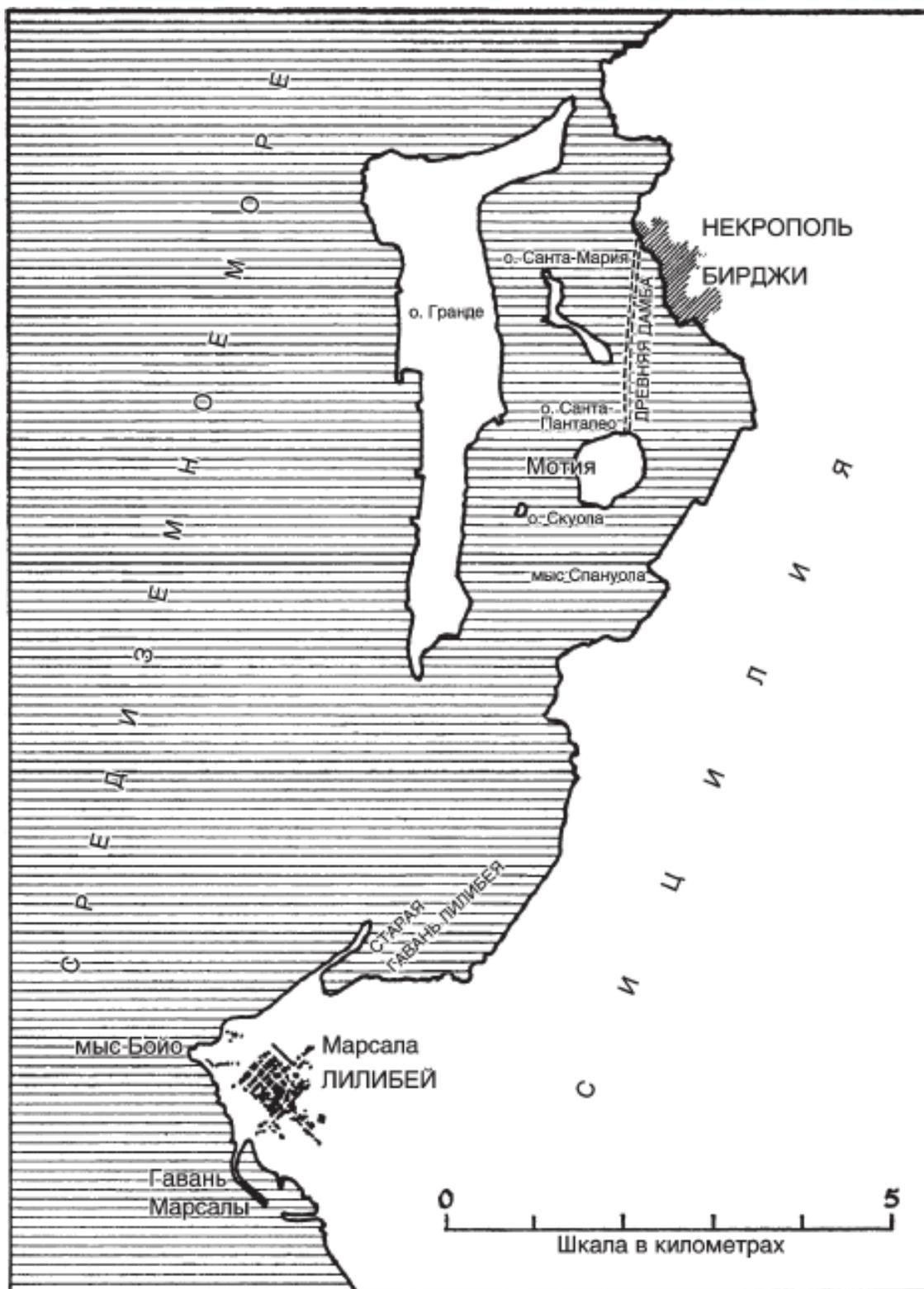

Рис. 6. Мотия (Сицилия) и ее окрестности

Рис. 7. Остров Мотия с городскими стенами и главными руинами

Нора находится в конце пологого полуострова с хорошей корабельной стоянкой на севере. С началом римской эпохи это место стало необитаемым, лишь в средние века на гористом мысе, где прежде стоял финикийский акрополь, появилась крепость. Захоронения VI века и более поздние, а также святилище Тиннит с бесчисленными стелами и урнами найдены много лет тому назад, а недавние раскопки были сосредоточены на городе и его оборонительных укреплениях. Если отчеты о раскопках в Норе не так полны, как нам хотелось бы, то интенсивные раскопки XIX века в Тарросе на западе острова вообще безрезультативны, так как площадка была разграблена. Таррос находится на мысе Сан-Марко, выступающем далеко в море с северной стороны залива Ористано. В результате проведенных недавно раскопок было раскрыто святилище Тиннит.

На Мальте пока не найдены остатки финикийских городов, хотя попадаетея много финикийских захоронений V века до н. э. и более поздних, и несколько более ранних, относящихся к VIII и, возможно, даже к IX веку. Найдено также несколько надписей, включая две поздние билингвы. Мы можем предположить, что главная колония находилась на месте современной Валетты глубоко под современными городскими зданиями и укреплениями. Финикийские предметы также были найдены на островах Гоццо (Годзо) и Коссура (Пантелерия, Пантеллирия).

В Испании известны три главные финикийские или пунические колонии: Гадес (Кадис), Эбузус (Ибица) и последний из основанных Гасдрубалом городов – Новый Карфаген (Картахена).

Гадес, самая ранняя колония, расположена на северном конце острова длиной около 20 километров и шириной не более 1 километра, словно рассекающего прекрасный залив в устье реки Гвадалеты (рис. 8). Между островом и материком на месте современного Сан-Фернандо находился островок поменьше. В южной оконечности внешнего острова возвышался знаменитый храм Геракла (Мелькарта). Общая топография хорошо представлена Страбоном. Изменения береговой линии объединили оба острова с материком и друг с другом, однако отрезали часть суши с храмом, и он оказался на острове, называемом теперь остров Святого Петра (Isla de Sancti Petri). Море также размыло западную (обращенную к морю) береговую полосу Старого Гадеса, так что некоторые районы древнего города и его некрополи исчезли. Поскольку остальные районы лежат под средневековым и современным Кадисом, мы мало что знаем о пунической топографии, однако на большом кладбище, протянувшемся по полуострову к югу от средневекового города, найдено более 150 довольно богатых захоронений от конца VI до III века до н. э. Еще одно кладбище позднего пунического периода, расширившееся в римские времена, находилось на меньшем островке, вероятно не заселенном первыми колонистами.

Поселение на Ибице было основано выходцами из Карфагена в 654 – 653 годах до н. э. И здесь за прошедшие века море изменило топографию. Первое поселение находилось на острове. Это место все еще называется остров Плана (Isla Plana), хотя давно соединилось с главным островом. Там нашли предметы VII века, включая несколько на удивление примитивных глиняных фигурок снежного человека. Найдены также остатки зданий, вероятно, более позднего периода, которые могли быть красильными мастерскими (там была большая куча раковин моллюсков, из которых добывался пурпур) или рыбными копильнями. На главном острове, в Puig d'es Molins, расположены главный некрополь периода от VI века до н. э. до римских времен и остатки маленького поселения (не пунического). Святилище Тиннит в Cueva d'es Cuqram относится к периоду от V до I века до н. э.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.